

Как часто мы случайно попадаем в неловкие ситуации? И как, попав в такую ситуацию, ведут себя люди? Вероятно, каждый предпринимает те действия, которые наилучшим образом могут охарактеризовать его самого: Кто-то, возможно, старается сделать вид, что не замечает происходящего, кто-то испытывает смущение и пытается всячески демпфировать положение, зачастую усугубляя его многократно. Однако есть люди, которые действуют решительно и находчиво:

Обеденный перерыв

Было лето. Выйдя в обед на улицу — прогуляться, я неожиданно изменил свой обычный маршрут. Бывает такое — что-то толкает на нарушение устоявшейся и привычной последовательности действий. Уже на обратном пути, улица, по которой я шел, проходила мимо строящегося дома. Я всегда раньше избегал этого пути — приходилось идти вдоль стройплощадки по узкому дощатому коридору. Справа, в одном направлении со мною, по Фонтанке рассекали десятки машин. Хотя, «рассекали» — это громко сказано. В это время уже образовалась тягучая дымная пробка. Было жарко. Густой, загазованный воздух раскалял грязные камни старого города.

Буквально у самого выхода из дощатого строительного прохода что-то происходило. Я увидел следующее. Справа от меня машины стояли в ожидании очередного светофора. Почти у тротуара остановилась желтая таксишная «Волга» с «шашечками». Задняя дверь её была распахнута настежь. Станным в тот момент показалось, что глаза всех водителей, стоящих в ближайшей передо мною пробке, были обращены в одну точку. Что-то происходило сразу за строительным проходом — по левую сторону от меня. Что именно, я пока не видел. За те несколько шагов, что я сделал в направлении к выходу, я успел прокрутить в голове несколько возможных вариантов: кому-то стало дурно от жары в раскаленной барже «Волги», кто-то не хочет платить таксисту и так далее. Ясно, что, выйдя из прохода, я не смог не повернуть голову налево.

За долю секунды всё стало понятно. Стройка примыкала в этом месте к фундаментальному серому зданию. Стык зданий был оформлен в виде углубления — эдакая ниша глубиной и шириной около полутора метров. В нише на корточках в глубоком приседе сидела молодая хорошо одетая женщина. Её платье было задрано вокруг бедер и скатано на коленях вперемешку с ещё какими-то яркими тряпочками — очевидно — трусами. Она сидела спиной к стене, т. е. прямо лицом к проезжей части, где и кучковались одуревшие от неспешной езды в пробке водилы разномастных машин.

Женщина была хорошо сложена. Раскоряченный в характерной женской позе широкий таз, подчеркивал узкие плечи. Светлые крашенные волосы были распущены по плечам. На ногах женщины были туфли. Как я уже сказал, женщина присела так глубоко, как позволяла ей анатомия, иными словами, ягодицами на пятках — пипкой вперед. Прямо ко мне была обращена неожиданно и непроницаемо густо заросшая волосами промежность, плотным агрессивным валиком выпирающая между ног и уходящая под хозяйку, скрывая в себе причинное отверстие и влажно-сомкнутое жерло пизды (именно этот валик придает выпуклость женским лобкам под купальными трусиками):

С отчетливым шипением, почти вертикально в асфальт, из под свалывшегося под трусами

войлока её лобка, в асфальт била широкая бабья струя. Женщина шумно и практически открыто ссала: Поразительно, но при этом обеими ладонями она надежно закрывала: лицо. Это было единственным, что предприняла леди, чтобы скрыться от многочисленных людских глаз. По силе, с которой её ухоженное тело извергало пенную струю, можно было понять, что пассажирка такси дотерпела в этой пробке до крайнего предела. Больше её мочевого пузыря выдержать уже не мог. Будучи, как и большинство горожанок, особой прагматичной, женщина решила, что незаметно обоссаться в такси не получится. А быть замеченной в порче волговского дивана, означало нарваться на скандал. Интересно, как эта женщина «отпросилась» у бравого водителя? Или не сказав ни слова и не захлопывая за собой дверь она сиганула в первое замеченное ей на пути подобие укрытия (хотя, занятая ей ниша, реальным укрытием не была). Как она вернется в такси? Возможно, как ни в чем не бывало — мол: с облегчением Вас, гражданочка! Как таксист, вообще поведет после этого машину, если у меня за пару секунд член встал как кол?

В это время водитель такси, высадившего зассыху, неестественно вывернув шею налево, неотрывно следил за происходящим через опущенное боковое стекло. Большинство остальных водителей в пробке, в чье поле зрения попала эта сцена, также молча уставились на даму.

Надо сказать, что до этого я шел довольно быстро. Теперь мне пришлось скинуть скорость до предела. Одновременно я ощущал жгучий стыд. В какой-то момент мне показалось, это я сидел на корточках на виду у зевак. Было стыдно за то, что это так интересует меня и, что через пару секунд я не смогу больше видеть эту картину. Я преодолел оставшиеся метры. Ниша и женщина, справляющая нужду, осталась позади. Всё, что я успел заметить в последнюю секунду перед тем, как женщина скрылась из моего поля зрения, была немалых размеров пенная лужа, уже покрывшая почти всю площадь ниши и стремительно разрастающаяся. Похоже, женщина мочилась не первую секунду, и до желанного опорожнения мочевого пузыря было ещё не близко.

На заднем сидении «Волги» валялась недешевая дамская сумочка. Виденное мною, определенно не было маргинальным проявлением. Приличная женщина долго ехала по городу в пробках, в рабочее время. На работе, очевидно, забыла заскочить в туалет — отлить. По дороге здорово захотела по малому. Терпела, как могла, но всякому терпению бывает предел.

Это был всего лишь эпизод — неожиданный курьез, которые иногда случаются в жизни. А теперь, вернусь к основной теме:

Курилка

Во время, к которому относятся описываемые здесь события, я работал в большой процветающей компании. Тем не менее, я уже несколько месяцев искал новую работу и уже получил ряд интересных предложений. В скорости я собирался заявить о своем увольнении. Рядом с кабинетами, в которых располагался мой отдел, был туалет. С одной стороны, это был обычный туалет. С другой стороны — он был общим, — ни женским, ни мужским. Больше такого в нашей компании нигде не было.

Началось всё с ремонта. До этого, туалет был женским. После ремонта сначала собирались назвать этот туалет мужским, потом передумали, но женским, тем не менее, он также не стал. Так и остался общим.

Надо сказать, что туалет этот все же проектировался как женский. В нем не было писсуаров.

В туалете было четыре узких кабинки, разделенных тоненькими пластиковыми перегородками высотой около двух метров. Кабинки имели такие же тонкие пластиковые двери.

В силу практически полного отсутствия звукоизоляции, по прямому назначению туалет использовался крайне редко. За несколько лет я всего лишь пару раз наталкивался на закрытую внешнюю дверь туалета, ведущую в коридор. После того, как дверь отпиралась, из него, как правило, высыпала пара-тройка слегка смущенных женщин. При этом бачки каких-нибудь унитазов радостно булькали, набирая воду. Было понятно, что женщины, набравшись смелости, быстренько справляли здесь малую нужду.

В основном, туалет использовался как курилка. Причем курили все одной толпой и мужчины и женщины. Здесь же могли мыть посуду после чаепитий.

Куря в этом туалете, я неоднократно становился свидетелем того, как какая-нибудь женщина заскакивала в туалет и, увидев, что в туалете кто-то курит, поспешно ретировалась. Это однозначно свидетельствовало о том, что женщина надеялась на то, что в туалете пусто и хотела по быстрому справить малую нужду. До настоящего женского туалета отсюда нужно было идти далеко — в обход, через всё здание.

Случались здесь, правда, и откровенные курьезы. Как-то на этаже происходил очередной ремонт. Кругом грязь. Туда-сюда снуют люди в спецодежде. Во время моего очередного перекура в туалет неожиданно вломились две девицы, судя по одежде — малярши. У них, похоже, близилось обеденное время, и они решили, что называется, «вымыть ручки». Обе невысокие, румяные. Обеим около тридцати. Одна была потолще, другая постройнее. Протиснувшись мимо меня они направились напрямиком к кабинкам. «Тут нельзя курить» — смущенно хихикнув, пискнула коренастая. Почти одновременно женщины захлопнули за собой тонкие двери кабинок. Одна за другой неловко защелкнули замки. В одной из кабинок с шумом было опущено сидение стульчака. После этого я услышал довольно продолжительное деловитое копошение в обеих кабинках. Чтобы заголить задницы, маляршам пришлось расстегнуть немало пуговиц. Слышалось сопение, то и дело кто-то из них задевал локтями перегородки кабинок. В какой-то момент я отчетливо услышал, что в одной из кабинок копошение прекратилось и одновременно раздался негромкий скрип — малярша уселась на стульчак. Через пару мгновений я услышал шум несильной струи, направленной напрямиком в воду в сливном отверстии. Через пару секунд к первой присоединилась вторая. Вторая женщина, похоже, хотела писать гораздо сильнее, так как пизда её низко засвистела и зашипела, будто жалуюсь на избыток давления в мочевом пузыре, а в сток унитаза хлынул целый поток бурлящей жидкости. К сожалению, мочевой пузырь первой малярши был почти пуст. Секунд через десять она стихла совсем и принялась натягивать штаны. Я не стал дожидаться, пока они закончат, и покинул курилку.

ЮРИСТ
Случай, о котором я хочу рассказать, произошел осенью. Было унылое пасмурное утро. По работе возникли проблемы, и я, перебирая возможные варианты решения, в задумчивости стоял в нашем общем туалете и использовал его по общепринятому назначению — я курил.

На площади туалета бок о бок одна к другой размещались четыре кабинки. У самого входа были две раковины. Узенький, «г» — образный коридорчик от входа вел мимо кабинок и упирался в глухую стенку. С противоположной от кабинок стороны коридорчика располагались три нешироких окна.

Я стоял напротив среднего окна, опершись на подоконник. За моей спиной располагались

кабинки. В кабинках томились без употребления чистые унитазы.

Было около десяти утра. К этому времени многие отделы уже заканчивали свой утренний чай и приступали к монотонной работе.

Вдруг на лестнице, ведущей к двери туалета раздалось звонкое цокание женских каблучков. Звук приближался к двери. «Наверняка, кто-то из юристов идет мыть посуду». Надо сказать, что нашими соседями по этажу были юристы. Юридический отдел состоял преимущественно из женщин. Были у них в отделе пара молоденьких девчушек. Остальные женщины были старше.

Дверь туалета открылась, и я увидел женщину. Действительно, это была сотрудница соседнего юридического отдела.

Необходимо коротко рассказать о ней. Сразу скажу, — эта женщина всегда производила на меня впечатление. Именно так я представлял себе эталон «зрелой» женщины — эдакой бизнес-леди. Имени её я не помню. Вероятно, ей было около сорока. Она была среднего роста — стройная. Узкое ухоженное лицо, с резко прорисованными скулами и большим аккуратно подкрашенным темно бордовой помадой ртом. Слегка длинноватый нос с горбинкой. Умелый макияж не скрывал двух вертикальных ямок-морщинок на её щеках. Они становились особенно заметны, когда юрист улыбалась.

Думаю, в молодости эта женщина была объектом вожделения очень многих мужчин, но и в свои сорок несла бесспорные следы былой красоты. Волосы её были средней длины, крашены светлыми и более темными прядками и были уложены в аккуратную лакированную гриву. Длинные безукоризненно ухоженные кисти рук, пальцы и шея женщины несли на себе следы возраста, но пока, это определенно лишь придавало ей шарм.

Я часто встречался с этой женщиной, проходя по коридорам здания и в столовой. Мы даже здоровались. Как правило, она ходила в компании сослуживцев и неизменно оказывалась в центре их внимания. Она смеялась и говорила слегка хрипловатым голосом, однако я не замечал, чтобы она курила. Фигура женщины была, на мой взгляд, почти идеальной для её возраста. Неширокие плечи, тонкие руки и талия, округлый, осязаемо проступающий под юбкой зад.

В этот раз на ней была светлая юбка до колен и тонкий белый свитер, под которым возвышалась небольшая, хорошо очерченная грудь, поддерживаемая лифчиком. На ногах её были темные колготки и высокие обтягивающие сапоги на тонких шпильках. Часто она не меняла обувь на работе.

О ней говорили, что она очень опытный юрист, с большим стажем, авторитетом и зарплатой. Я повернул голову в её сторону и увидел, что в руках юриста нет чайной посуды. Более того, в её правой руке был крепко зажат кусочек какой-то бумаги.

«Ну вот, очередная засыха-неудачница, да ещё и с подтиркой», — рассеянно подумал я. Женщина на мгновение остановилась. На лице её отразилось сомнение. «Чего здесь сомневаться», — подумал я — «ступай через этаж в женский сортир». Я только что закурил и не собирался прекращать это дело, не докурив до конца, только потому, что эксперт юридического отдела захотела в туалет.

В следующее мгновение она повернулась к двери. «Уходит, подумал я».

Однако, женщина повела себя абсолютно не так, как я ожидал. Она сделала шаг к выходной двери, тремя свободными пальцами правой руки (в которой была зажата бумажка) взялась за ручку, плотно прикрыв дверь, а правой рукой повернула замок, блокирующий дверь.

«Чертовщина какая-то!» — подумал я. «Неужели она всё же решила поссать? А как же моё присутствие!?!». Я был почти возмущен.

В это время юрист уже размашисто направлялась к кабинкам. Лицо её теперь не выражало ни малейшего сомнения. Она уверенно дернула ручку второй, ближней ко мне, кабинки и вошла внутрь. Дело принимало совершенно неожиданный оборот.

«Почему она выбрала ближнюю ко мне кабинку?», — подумал я, и сразу ответил сам себе: «какая, хрен, разница, — в этом туалете, все равно, слышно каждый звук».

Я перестал затягиваться сигаретой. Волнение моё нарастало. В полутора метрах от меня деловая женщина без комплексов привычно готовилась писать. После того, как юрист закрыла за собой дверку кабинки и щелкнула замком («спасибо, что хоть дверь закрыла», — подумал я), она оказалась спиной к унитазу. Я услышал пару негромких, торопливых шажков, после чего два почти симметричных шороха сопровождали задираание юбки и стягивание колготок и трусов. Через мгновение отчетливо скрипнула петля стульчака — женщина, всей своей округлой сексапильной задницей, уселась на унитаз.

Надо сказать, что, несмотря на то, что в туалете очень редко справляли нужду, мыли его полностью, каждый день, как и любой другой туалет. Поэтому юрист могла не бояться замочить жопу чьей-то мочой.

Следующим действием должно было начаться собственно мочеиспускание.

Вообще, манера справлять малую нужду в общественном месте здорово характеризует женщину. Мне, безусловно, импонируют леди, которые действуют в таких ситуациях под лозунгом «как могу, так и ссу». Это естественно, а, следовательно, непредосудительно. Однако, в арсенале взрослых опытных женщин есть масса приемов, которые дают им возможность частично или полностью скрыть возбуждающий и, как они часто считают, неприличный шум мочеиспускания. Простейшим приемом является неполное расслабление мышц, запирающих урину в мочевом пузыре. При этом мочеиспускание может растянуться на довольно продолжительное время. Кроме того, звуки такого вялого и осторожного справления нужды все равно слышны. При этом кажется, что женщина старательно сочится в унитаз, но, что-то мешает жидкости вырываться свободным потоком из её мочеточника.

Есть и ещё более изощренный способ мочиться «тихо». При этом женщина, сидя на унитазе, должна выбрать такое положение тела, при котором струя мочи попадает на боковую стенку унитаза касательно, под очень маленьким углом. При этом женщина сидит на унитазе на одной из половинок попы, приподняв над стульчаком другую. Не очень-то удобно. Однако, в этом случае, при условии достаточного навыка, сосредоточенности и добросовестности женщины, а также при условии, что женщина не очень долго терпела перед посещением туалета и может испускать мочу цельной струей, есть вероятность пописать вообще без слышимых звуков.

Стоя около кабинки, в которой на унитазе невозмутимо восседала деловая женщина со спущенными до колен колготками и трусами, я был почти уверен, что сейчас юрист покажет мне достойный пример беззвучного мочеиспускания. Однако я ошибся.

Сначала в кабинке раздался одиночный, звучный и очень сочный всплеск. Юрист как будто стрельнула мочой из промежности и на мгновение затихла. Было впечатление, что уретра женщины захлебнулась вытекающей жидкостью. Я резонно решил, что женщина не справилась со струей и сейчас начнет мучительно сцеживать содержимое своего мочевого пузыря, одновременно краснея от стыда быть услышанной стоящим рядом мужчиной.

К слову сказать, после утреннего кофе и чая большая часть женского коллектива компании справляла малую нужду. При этом в туалет женщины направлялись шумными компаниями, болтая без умолку. В нашей огромной компании работали сотни молодых женщин. Попробуйте себе представить, какой колоссальный поток горячей женской урины изливался в это время в унитазы женских туалетов.

Я мог почти наверняка быть уверен, что женщина-юрист мочилась в этот день второй раз. Первый раз она отлила сразу, как только продрала глаза, ещё дома. Теперь, после утреннего кофе она повторно должна была облегчиться для того, чтобы спокойно проработать до обеда. Значит, сейчас предстояло обычное, штатное, или другими словами — не аварийное, мочеиспускание.

Следующим звуком, раздавшимся из-за тоненькой дверцы, был свистящий шум мощной упругой струи, направленной прямо в воду, стоявшую в сливном отверстии унитаза.

Деловая женщина ссала уверенно, сильно, свободно, но без надрыва. Не было ни малейшего намека на стеснение. Одним словом, юрист мочилась по-деловому. Единственным дополнительным звуком, доносившимся из кабинки, было мягкое равномерное шипение, которое, издавала струя, вырываясь из мочеточника женщины. В общем, так мог звучать сифон, если его струю направить в кастрюлю с водой.

Она мочилась, не меняя силы и направления струи секунд двадцать, после чего её напор быстро спал в два приема, как будто кто-то в два поворота перекрыл кран с водой.

Следующие звуки сопровождали привычную гигиеническую операцию, которую, пописав, вынуждены проводить большинство взрослых женщин. Прежде всего, юрист коротко откашлялась. Низкое «кхм-кхм» в бронхах женщины эхом отозвалось в туалете. Далее последовал негромкий шорох одежды и короткий скрип петлей стульчака, похоже, женщина, сидя на унитазе, шире развела ноги, после чего я услышал звук сминаемой и запикиваемой в промежность бумаги.

Юрист пару раз промокнула влажные половые губы, смещая бумажку от клитора, к анусу вдоль своей срамной щели. Я отчетливо услышал жесткое шуршание, которое издавали волосы на половых губах женщины, соприкасаясь с бумагой.

Прошла секунда-полторы — скрипнули петли — женщина приподнялась со стульчака. Далее деловито прошуршали трусы и колготки, скрыв под собой задницу, влагалище, волосатый лобок, анус и прочие особо секретные места юриста.

Женщина ещё раз откашлялась и привычным движением вернула на место платье. Завершающим аккордом был звук спускаемой в унитаз воды, после чего замок дверцы щелкнул, и деловая женщина покинула свое убежище.

Победно взглянув на меня, она быстро прошла мимо по направлению к двери, обдав меня запахом недешевых духов. Подойдя к умывальнику, она быстро и, как мне показалось — кое-как, ополоснула руки. Далее, щелкнул замок, хлопнула дверь в коридор, и я услышал уверенно цокающие шаги женщины-юриста, удалявшейся от туалета.

Я стоял как пыльным мешком ударенный. «Вот это сука!» — мелькнуло у меня в голове. Вставший член пульсировал в такт учащенному сердцебиению.

Выждав несколько секунд, я сделал пару шагов и оказался в кабинке, которая только что стала свидетелем мочеиспускания этой сексапильной женщины.

Кабинка была герметичной, вытяжка работала плохо. Я сразу ощутил пряный аромат её дорогих духов и, одновременно, еле заметный терпкий запах свежей мочи зрелой женщины.

В сливном отверстии унитаза ещё продолжала слабо колыхаться чистая вода. Бачок импортного унитаза уже почти набрался и лениво чавкал, принимая последние порции воды. В белом мусорном ведре, немного с краю, одиноко валялась скомканная бумажка. «Ах ты, старая сука!», — повторил я про себя в сердцах и поднял бумажку из ведра.

Бумажка оказалась жесткой столовой салфеткой. До того, как салфеткой промокнули писюку женщины-юриста, она была снежно-белой. Теперь, девственно-белой оставалась только кромка, а центральная часть салфетки была окрашена светло-желтым.

Я немного растянул салфетку за края. По форме салфетка напоминала стилизованную горку, с внутренней стороны которой, различимы были следы пальцев женщины, вдавливавших этот кусочек бумаги в промежность. Вся «горка» была влажная. За те десять секунд, что салфетка пролежала в ведре, «горка» насквозь пропиталась женской мочой.

Кроме того, я обнаружил, что к салфетке прилип недлинный, около двух сантиметров, пего-рыжий жесткий волос. Он имел форму аккуратного завитка. Конец волоса был почти бесцветный. «У этой опытной бабы — рыжая с проседью, сорокалетняя пизда» — подумал я, отчетливо представив себе бывалую промежность юриста. Сколько счастливых мужиков видели и пробовали на вкус поросшую рыжеватой щетиной, влажную щель этой женщины?

В голове крутился один и тот же вопрос: как объяснить странное поведение женщины? Неведением, что творит? — вряд ли. Надо было обладать интеллектом пятилетней девочки, чтобы сделать такое по неведению. В светлом разуме и мотивации юриста я был абсолютно убежден. В её возрасте неопытность и наивность практически была исключена — тем более, что юрист определенно пользовалась успехом у мужчин и, похоже, имела достойный опыт половых отношений.

Может, это было сознательное проявление грубого неуважения ко мне? Вряд ли. Повода не было.

Единственным правдоподобным объяснением, которое я смог найти в тот момент, было желание этой деловой женщины немного пошалить, а возможно, привлечь моё внимание. В туалете кроме нас никого не было. Концерт с мочеиспусканием она устроила персонально для меня. Другие свидетели ей были не нужны. Вне сомнения, она выбрала наиболее правильный и короткий путь для того, чтобы заинтересовать меня.

Я не знаю, замужем ли была эта женщина, были ли у неё дети. Я не стал наводить справок и собирать информацию. Мое время в этой компании стремительно подходило к концу. Однако, после этого случая, я, в подтверждение своих предположений, с удовлетворением замечал долгие и заинтересованные взгляды, которыми одаривала меня женщина-юрист при случайных встречах. Как будто, первый наш разговор по душам уже состоялся, и женщина ждала моего ответного шага. Я бы, безусловно, предпринял попытку сойтись с ней (в компании централизованно отмечались все большие праздники, и у нас был шанс пообщаться в неформальной обстановке). Но, как я уже сказал, для меня начиналась новая жизнь, и у меня не оставалось ни времени, ни сил для нового служебного флирта в уже постепенно становившейся бывшей компании.

Тогда же в туалете я был настроен на философский лад. Я думал: забавно, по долгу службы эта женщина общается с серьезными людьми из других компаний, банков, с другими юристами. Могут ли эти солидные мужики представить себе, какие щемяще — откровенные, возбуждающе — эротические звуки издает эта привлекательная женщина, справляя малую нужду, изображая в этот момент перевернутый над унитазом фонтан «сама деловитость»?

Вряд ли!».

Сколько раз мне приходилось проводить через их службу договора, и сколько палок в мои колеса было вставлено их отделом и этой бабой, в частности. Все, кто в нашей компании имел дело с контрактами мандражировали перед юристами — им было не просто угодить. И вот сегодня юрист неожиданно продемонстрировала мне, что она всего-навсего стареющая женщина, всю свою жизнь вынужденная писать, приседая над горшком, и ссущая при этом широкой бабьей струей, как и большинство нормальных женщин мира.

С этими мыслями я бросил салфетку со следами мочи юриста в унитаз. Туда же я выкинул почти догоревшую сигарету, спустил воду и вышел из туалета.